

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Ирины Мельниковой – прекрасные истории о вере, надежде и любви:

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой

Грех во спасение

Александра – наказание Господне

Невеста по наследству

Фамильный оберег. Закат цвета фламинго

Фамильный оберег. Отражение звезды

Фамильный оберег. Камень любви

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!

Ржавый Рыцарь и Пистолетов

Дикая Лиза

Нянька для олигарха

Мой ласковый и нежный мент

Колечко с бирюзой

Неоконченный романс

Роман с Джульеттой

Горячий ключ

Формула одиночества

Стихийное бедствие

От ненависти до любви

Небо на двоих

В соавторстве с Георгием Ланским:

Ключи Пандоры

Лик Сатаны

Ярость валькирии

Сериал «Агент сыскной полиции»:

Агент сыскной полиции

Талисман Белой Волчицы

Финита ля комедия

Сибирская амазонка

Бесы Черного городища

Ирина Мельникова

ФАМИЛЬНЫЙ ОБЕРЕГ

ЗАКАТ ЦВЕТА
ФЛАМИНГО

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *А. Зининой*

Мельникова, Ирина Александровна.

М48 Семейный оберег. Закат цвета фламинго : [роман] / Ирина Мельникова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-230925-0

Перед смертью тетя подарила художнице Татьяне Бекешевой золотые серьги, изображавшие богиню плодородия, и серебряное кольцо с кораллом. Эти украшения когда-то принадлежали древнему сибирскому роду и из века в век передавались по женской линии. Триста лет назад ими владела юная дочь князя, которая мечтала стать воином и научилась мастерски владеть оружием. Однажды отец взял ее с собой на переговоры с русским князем Мироном Бекешевым, приехавшим покорять Сибирь. Однако встреча закончилась так, как не ожидал никто, ведь война и любовь часто идут рука об руку!.. Татьяна, узнавшая эту историю, пока не подозревала, что доставшиеся ей украшения могут полностью изменить ее жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-230925-0

© Мельникова И., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

На востоке над неровной грядой древних холмов пробилась сквозь ночную тьму узкая полоска зари. Серая мгла над степью постепенно тает, стекая в узкие ложбины, овраги, горные ущелья. Недолго ей таиться в сырых и холодных закромах: скоро поднимется солнце...

Солнце, великий и могучий Кюн, да луна Ай, чей бледный лик еще не спрятался за горизонтом, тысячи тысяч лет взирают сверху на этот мир — мир вольных степей, где так вольготно табунам, где лошади скачут наперегонки с ветром и тонко ржет жеребенок, а поднебесные трели жаворонка сливаются с дивной мелодией, что создают шелест седых ковылей, тихий шепот ручейков, шорох песков, осторожный посвист сусликов и шипение выползающих погреться на камни змей.

Гордые тасхылы, чьи вершины даже летом покрыты снежными шапками, — точно грозная стража на его рубежах, а предгорья заполонила тайга. Темнохвойные леса стоят попережку с березовыми рощами и еланями, где высокая трава и пожарище жарков по весне да белое покрывало ромашек летом.

Здесь озера, в которые словно опрокинулось небо, такой они глубины и непередаваемой голубизны. Здесь берут начало бурные реки с кристально чистой, сладкой на вкус водой. Здесь грохочут водопады, чьи потоки

свились в серебряные косы, а над звонкими струями танцуют гибкие радуги. Здесь — не тающие летом снежники, и яркая зелень поднебесных лугов, и ветерок с гор, который пахнет пряным ирбенем — богородской травой и смолистым арчином — можжевельником.

Древняя Хакасия — земля некогда могущественных царей и воинственных народов. Солнце и ветер разрушили и сгладили вершины высоченных пиков, а время безжалостно стерло с лица земли все, что говорило о стародавнем величии и богатстве: крепости, дворцы, поселения... И как напоминание о тех славных и гордых временах возвышаются одинокие курганы-могильники и вечные их спутники — каменные менгиры с выбитыми на них старинными письменами, которые донесли до нас забытые события и имена тех, кто покоится в древних усыпальницах.

Прислушайтесь, это не рокот обвалов, то рев диких орд кочевников и топот их коней. И не ветер завывает среди замшелых камней, то свистят стрелы и лязгают мечи, а стоны раненых и грозные крики воинов снова и снова оглашают древнюю степь. Не раз она орошалась кровью, и не раз кружило черное воронье над полегшими в схватках батырами.

В незапамятные времена прошли по ней гунны, а после кого только не привлекали богатства этого края: могучего Чингисхана и китайских богдыханов, алтын-ханов и джунгарских контайши. Одни только лишь заглядывались на вожденные земли из-за высоких гор, другие шли с огнем и мечом, угоняли в полон народы и вырезали целые поселения. С юга шли и с запада, с севера и с востока... Кровавыми следами умывалась древняя степь, стонала и изнывала от жестоких набегов...

ГЛАВА 1

Сегодня впервые за последнюю неделю выглянуло солнце, но тяжелые тучи по-прежнему громоздились над Финским заливом. И все же на клумбах распустились тюльпаны, зацвели каштаны, а это значит — не за горами лето. Татьяна так устала от вечной сырости и серости питерской зимы, что радовалась, как ребенок неожиданному подарку, и нежной зелени газонов, и облаку распустившейся сирени, и желтому покрывалу одуванчиков на обочинах дорог.

Она опустила стекло, и ворвавшийся в машину поток воздуха принес с собой запахи моря, свежей корюшки и горчившие на губах ароматы пробудившейся природы.

Проносились мимо сосновые боры и перелески, заросшие камышом низины и мелкие речушки, спешившие на встречу с морем. Мелькали среди нежной зелени белые стены дворцов и бывшие барские усадьбы. А кое-где только стройные шеренги лип и дубов отмечали то, что осталось от некогда богатых поместий.

Ранним воскресным утром дорога была пустынной, и Татьяна позволила себе расслабиться. Неделю она провела на даче, стараясь забыть. Пробовала

работать, но кисти валились из рук. Хваталась за чтение, но стоило ей раскрыть книгу и пробежать глазами несколько строчек, как тотчас ее мысли улетали в тот печальный день, когда тетушка в последний раз пригласила ее к себе...

Анастасия Евгеньевна уже не вставала. В спальне пахло лекарствами и тленом. Тетушка не скрывала, что дни ее сочтены, но держалась бодро, пыталась шутить, хотя глаза ее, прежде яркие и веселые, потускнели, а рот провалился. И слова произносила с трудом, почти шепотом.

— Сядь рядом, — велела она, когда племянница подошла и склонилась над ней, чтобы поцеловать в щеку. — Мне нужно что-то тебе сказать.

Татьяна послушно села на стоявший у кровати пуфик и осторожно погладила Анастасию Евгеньевну по высохшей руке с коричневыми пигментными пятнами на пожелтевшей коже.

— Слушаю, тетя Ася, — сказала она ласково, стараясь, чтобы голос не дрогнул и не выдал ее смятение.

— Я отвлекла тебя от работы? — спросила тетушка.

— Пустяки! — весело ответила Татьяна. — Ты ведь знаешь, я сама себе хозяйка.

— Как твоя выставка?

Татьяна пожала плечами:

— Пока никак. Виктор поставил условия, которые для меня абсолютно неприемлемы.

— Выйти за него замуж для тебя неприемлемое условие? — строго спросила тетушка. — Вы встречаетесь три года, ты влюбилась в него как кошка. Ты же мечтала выйти за него замуж? Что случилось? Отчего

его предложение стало для тебя неприемлемым? Ты встретила другого мужчину?

Татьяна отвела взгляд.

— Никого я не встретила. Но три года вполне хватило, чтобы узнать человека.

— Три года... — усмехнулась Анастасия Евгеньевна. — Порой не хватает целой жизни, чтобы узнать человека как следует. И чем же он плох? Удачливый бизнесмен, на личные деньги устраивает твою выставку. Ну, выпивает немного, но кто сейчас не пьет?

— Пьют, конечно, а есть такие, кто в подпольных казино играет, в карты состояния спускает, проституток снимает, любовниц содержит. Виктор на этом фоне просто святым выглядит, — улыбнулась Татьяна.

— Так выходи за него замуж, пока его не прибрали к рукам. — Анастасия Евгеньевна посмотрела на нее с удивлением. — Я тебя не понимаю.

— Я сама себя не понимаю, — вздохнула Татьяна. — Но про кошку ты зря. Да, он мне интересен. С ним не скучно и поговорить можно обо всем, но, понимаешь... Я не знаю, как это объяснить... У меня все время такое чувство, что это не мое, чужое, временное... Что он вот-вот исчезнет. Уедет, бросит меня...

— Но ты ничего не делаешь, чтобы удержать его. Учти, мужчины непостоянны и ветрены. Стоит какой-нибудь красотке поманить его пальцем, и поминай как звали. Может, тебе родить ребенка? Тогда все сомнения отпадут сами собой.

— Ребенка? — Татьяна покачала головой. — Менее всего я хочу от него ребенка. Тогда он вовсе возьмет власть надо мной. Пока ему это не удастся, но он не оставляет надежды. Будь его воля, он посадил бы меня

на цепь. И не позволял бы выезжать даже на этюды. А с выставкой он тянет только по той причине, что там будет масса людей и обязательно найдутся мужчины, которые будут говорить мне комплименты, ухаживать, просто глазеть... Виктору это как нож в горле.

— Танюша, это не самое страшное, — сказала устало тетушка и закрыла глаза.

— Теть Ася, — Татьяна погладила ее по руке, — давай поговорим о чем-нибудь другом. Ты ведь хотела что-то мне сказать?

— Хорошо, — Анастасия Евгеньевна открыла глаза. — Подай мне шкатулку! Вон ту, на комоден...

Татьяна встала и подошла к старинному комоду. Рядом со шкатулкой стояла фотография: Анастасия Евгеньевна в молодости. Здесь ей лет двадцать или чуть больше. Белая шляпка, платье в горошек, белые перчатки... Два года минуло, как закончилась война. Еще и голодно, и холодно, но так хотелось выглядеть красивой...

Таня взяла шкатулку. Когда-то Анастасия Евгеньевна хранила в ней облигации, затем Почетные грамоты и орден Трудового Красного Знамени. Имелось в шкатулке и специальное отделение для семейных драгоценностей, которые еще в войну бабушка внесла в Фонд обороны. Теперь в нем — лишь обручальное кольцо дядюшки. Его привезли Анастасии Евгеньевне в шестьдесят девятом вместе с похоронкой и цинковым гробом, в котором лежали останки ее мужа — военного летчика, погибшего во Вьетнаме.

— Вот твоя шкатулка, — сказала Татьяна и снова опустила на пуфик.

Анастасия Евгеньевна открыла крышку и достала похожий на кисет замшевый мешочек, затянутый

шнурком. На нем вышитые красным шелком узоры — листья клевера. Татьяна знала от тетушки: это — символ плодородия и долголетия у тюрков.

— Возьми!

Тетушка извлекла из мешочка серебряное кольцо. Вместо камня — соляренный круг с таинственными письменами, в центре — кусочек коралла. Причудливые знаки на кольце очень напоминали скандинавские руны, но наличие солярного круга, кусочек коралла и сам орнамент на кисете говорили о том, что оно родом из Центральной Азии. Но более кольца Татьяну поразили серьги. Они были изготовлены из золота — довольно грубая ручная работа, а может, и вовсе искусная подделка под старину. Но тетушка не стала бы хранить фальшивки. Скорее всего серьги, как и кольцо, старинные, «из тьмы веков», как любила говорить Татьянина матушка, Галина Андреевна Бекешева.

Подобной «тьмой» она забила всю квартиру. Но эти украшения Татьяна никогда не видела. Две одинаковые, выполненные из золота и серебра миниатюрные женские фигурки, застывшие в статичных позах с чашами в руках. Над головой — нимбы округлой формы, за плечами — расправленные крылья, ниже загнутый назад хвост птицы. Серьги богато украшены золотой сканью, а еще четыре золотых шарика укреплены по краям фигурок на серебряных проволочках.

Татьяна поднесла серьги к глазам. Все-таки изображения женщин не во всем идентичны друг другу, что подтверждало ручную работу. На тыльной стороне сережек она обнаружила скобы из толстой серебряной проволоки, с помощью которых они продевались в уши.

— Откуда у тебя эти украшения? — спросила Татьяна.

— Им лет триста или четыреста, — сказала Анастасия Евгеньевна и облизнула сухие губы. — Возможно, тогда эти серьги носили как оберег, так христиане носят нательные кресты и иконки с изображениями святых-покровителей.

Татьяна поднесла стакан с водой к ее губам и подвела ладонь под голову, помогая тетушке слегка приподняться. Анастасия Евгеньевна сделала несколько глотков и благодарно улыбнулась племяннице:

— Спасибо, Танюша! Кто знал, что твоя тетка превратится в развалину.

— Какая развалина? — Татьяна старалась, чтобы ее голос звучал бодро. — Мы с тобой еще в Америку поедем. К твоим индейцам. Или на Алтай. Ты давно грозилась показать мне Телецкое озеро.

Анастасия Евгеньевна едва заметно качнула головой:

— Погоди, дорогая! Я могу не успеть...

Она с трудом перевела дыхание.

— Серьги, в Сибири их заушницами называли, очевидно, изображают богиню Имай. Тюрки считают ее покровительницей детей и матерей, богиней плодородия. Видишь, в руках у нее небольшая чашечка. Здесь в освященном молоке помещались души детей. Во время болезни ребенка из такой чашечки производили обрядовое кормление Имай. Она вдобавок была покровительницей знатных людей. Поэтому эти серьги наверняка символ власти и богатства.

Татьяна слушала тетушку и не сводила взгляда с неожиданного подарка. Ей очень хотелось примерить

и кольцо, и серьги, но она ждала, когда Анастасия Евгеньевна сама предложит ей сделать это. Еще подростком Татьяна несколько раз получала серьезную выволочку, когда пыталась надеть без ее ведома жутко разрисованную маску эскимосского колдуна или постучать в обтянутый оленьей кожей шаманский бубен.

В начале девяностых прошлого века Анастасия Евгеньевна серьезно увлеклась языческими обрядами. Ездилa на съезды шаманов в Канаду и на Аляску, в Тыву и на Горный Алтай. Принимала участие в этнографических экспедициях, из которых привезла массу фотографий, несколько видеофильмов и штук двадцать толстых тетрадей, заполненных записями обрядовых заклинаний, сказаний и песен, испещренных копиями древних наскальных рисунков — петроглифов, изображениями культовых масок, тотемных знаков, бубнов, костюмов шаманов. Но о своих путешествиях Анастасия Евгеньевна не любила рассказывать. Особенно если кто-то принимался шутить по поводу ее странных увлечений.

Племянница была единственным человеком, которому она приоткрывала кое-какие тайны. Анастасия Евгеньевна то ли стеснялась, то ли побаивалась, что ее сочтут сумасшедшей, и поэтому только Татьяне рассказала о странных видениях, которые в последние годы стали посещать ее все чаще и чаще. Естественно, странными они казались Татьяне, а вот Анастасия Евгеньевна каждому находила объяснение. И даже предсказывала кое-какие события, что удивительно, весьма точно.

Возможно, этот дар проснулся в ней после сотрясения мозга, которое она перенесла лет тридцать назад,

попав в автомобильную аварию. Говорят, такое случается. Хотя скорее всего она владела им давно, но тщательно скрывала. В советские времена это было чревато печальными последствиями, тем более для доктора наук, профессора, декана исторического факультета.

Но сейчас, в эпоху смятения и расставания с идеалами, ее дар никому уже не казался необычным. Татьяна и вовсе воспринимала его как защитную реакцию на те стороны современного бытия, к которым Анастасия Евгеньевна так и не смогла привыкнуть, а кое-что и вовсе отказывалась принимать.

— Я их никому не показывала, — тихо и, как показалось Татьяне, с усилием произнесла Анастасия Евгеньевна. — Судя по некоторым признакам, они принадлежали кыргызскому роду Чаадар, который жил когда-то на левом берегу Енисея. И передавались по женской линии. Я не могла отдать их твоему отцу, а дочери у меня нет. Теперь ты их хранительница. А когда придет твой час, передашь их своей младшей дочери.

— Теть Ася, о чем ты говоришь? — Татьяна с укоризной посмотрела на Анастасию Евгеньевну. — Какой Чаадар? Какой Енисей? Ты всю жизнь прожила в Питере.

— В Питере, конечно, в Питере, — едва заметно улыбнулась Анастасия Евгеньевна. — Но, возможно, в нас течет кровь древнего кыргызского рода. Конечно, она изрядно разбавлена русской кровью, но разрез глаз, цвет волос... Посмотри на меня, разве это не очевидно? А ты? Тебя ведь дразнили в школе Чيو-Чю-сан. И тебе не интересно, откуда это пошло?

— Мне очень интересно! Но почему ты раньше об этом не рассказывала? — неподдельно изумилась Татьяна. — И мама молчала, и отец... Что в том плохого, если в нас течет киргизская кровь?

— Не киргизская, а кыргызская, — уточнила Анастасия Евгеньевна. — Хотя говорят, что современные киргизы тоже выходцы из тех мест. А кыргызами называли древний народ, который жил на юге Сибири в предгорьях Саянских гор. Загляни в мои тетради. Там ты найдешь все, что мне удалось отыскать об истории кыргызов, их вере и обычаях. Но о княжестве Чаадар известно очень мало, вернее, почти совсем не известно...

Татьяна покачала головой.

— Боже, и я узнаю об этом только сейчас? Неужели ты думаешь, что эта история меня бы расстроила? Наоборот, она придает некоторую пикантность... Я принадлежу к древнему роду... Восточная княжна! Так это ж здорово!

— Нашими предками были русские князья Бекешевы, теперь это можно не скрывать, — едва слышно произнесла Анастасия Евгеньевна. Татьяне даже пришлось склониться ниже, чтобы разобрать слова. — Я не знаю, как попали к ним эти украшения. В архивах не сохранилось никаких документов о том, что у кого-то из них была супруга из рода Чаадар. Но наличие этого кольца, серьги и присутствие азиатских черт на лицах потомков подсказывают мне, что все неспроста...

— Что это за серьги, мы, пожалуй, выяснили, — сказала Татьяна и повертела кольцо в пальцах. — Но что в нем особенного? Может, эти значки какое-нибудь таинственное заклинание скрывают?

— Не знаю, что они скрывают, — сказала тетушка, — но всякий раз, когда я надевала кольцо на палец, мне становилось плохо. И я торопилась его снять. По древнему поверью, к кораллам притягивается душа. Раньше большой кусочек коралла меняли на вола или лошадь. Моя тетушка, сестра нашего отца, а твоего дедушки, отдала мне кольцо и серьги перед смертью и что-то тихо сказала, то ли «Хозяйка вернется...», то ли «Хозяйка придет...». Но, возможно, я не так поняла. К сожалению, я не успела расспросить ее, откуда взялись эти украшения. Представляешь, их даже в блокаду не поменяли на еду. Верно, есть в них что-то необычное. Теперь они — твои. Надеюсь, — тетушка на мгновение прикрыла глаза, — у тебя выйдет узнать то, чего не удалось мне. Я верю, — она с трудом перевела дыхание, — верю, у тебя все получится...

— Хозяйка вернется? — Татьяна раскрыла ладонь и поднесла к глазам кольцо и серьги.

Тонкий, как игла, солнечный луч, едва пробившийся сквозь щель между шторами, блеснул и пропал в тусклом старинном золоте. А ей показалось, в комнате повеяло сквозняком, хотя окна и двери в квартире были плотно закрыты. Ш-ш-ш! — прошелестело за спиной. Так шуршат камыши на озере. Татьяна оглянулась. Никого! Но отчего же мурашки забегали по коже? Словно от холода или предчувствия опасности?

Девушка тронула пальцем кусочка коралла. Затем обвела контуры женской фигурки. Тревога не унималась. Беспочвенная, по сути, тревога...

— Хозяйка? — повторила она. — Как она вернется? Ее давно нет в живых. Сама говоришь, кольцо много лет.

— Это неважно, — тетушка перевела дыхание и коснулась пальцами ее ладони. — Примерь... Я видела... — Она закрыла глаза, но тут же с заметным усилием открыла их снова. — Это знак... Тамга...¹ Копье в круге...

Анастасия Евгеньевна уже с трудом выталкивала из себя слова. И эти звуки больше смахивали на шелест сухих трав, чем на речь человека.

— Пламя до неба... Семь белых волков... Не упави с коня... — Она обвела языком губы — бледные, с синевой в уголках рта — и едва слышно прошептала: — Поезжай в Чаадар... Айдына... — и закрыла глаза...

* * *

Чтобы отвлечься от горьких воспоминаний, Татьяна вставила в магнитоу первый попавшийся диск и включила чуть ли не предельную громкость. Тяжелый рок обрушился на барабанные перепонки. Надо же, она совсем забыла, что на похоронах тетушки машиной пользовался младший брат. Татьяна с досадой выключила звук. Сбавив скорость, свернула на проселочную дорогу и остановила машину. Странное чувство переполняло ее и не давало отвлечься от грустных мыслей. словно что-то забыла или не сделала, а может, это ощущение возникло оттого, что их разговор с тетушкой оборвался на полуслове. Вероятно, такое чувство возникает у всякого человека, кто терял своих близких. Что-то недосказано, что-то не понято, что-то не выполнено...

¹ Тамга — здесь — клеймо.

Татьяна вышла из машины. Дорога шла сквозь сосновый бор. Остро пахло молодой травой и едва ощутимо — прелью и сухой хвоей. Но все это перебивал аромат цветущих ландышей. Белое покрывало затянуло опушку леса. Татьяна отошла от машины и села прямо в траву. Машинально сорвала один цветок, затем другой... Как ей хотелось забыться, стереть из памяти неприятности последних дней. Ведь со смертью тети Аси — самого близкого и любимого человека — все в ее жизни перевернулось. Точно проснулись от долгой спячки беды и несчастья и обложили Татьяну кольцом, как обкладывают свою жертву голодные хищники.

Сначала ей сообщили, что в детской художественной школе, где она преподавала, из-за недостатка финансирования вынуждены сократить две учительские ставки. И, естественно, под сокращение попала она, как самая молодая и неопытная. Директор школы долго жался, смущался, нервничал, прежде чем сообщить это известие. Но Татьяна уже и без него знала о грядущих переменах в своей судьбе. О намеченном сокращении ей по секрету поведала секретарь директора. Что ж, чего-то подобного следовало ожидать. Татьяна не сомневалась, что главной причиной ее увольнения явилась недавняя выставка молодых художников в Москве, где ее работы имели большой успех.

О ней много и доброжелательно писали в газетах, отметили своей благосклонностью критики, но в учительском коллективе девушку встретили с кислыми минами, а один из патриархов школы в глаза назвал ее выскочкой. Уже тогда она подумала, что ее препода-

давательская карьера накрылась медным тазом. Но не ожидала, что это произойдет так быстро.

Следом грянула ссора с Виктором. Татьяна робко намекнула ему, что хочет перенести персональную выставку на осень. После смерти тетушки она чувствовала себя разбитой, несобранной, ей страшно не хотелось появляться на публике. Но Виктор взъярился. Он непотребно ругался, обозвал ее неблагодарной тварью, а затем принялся плакать и просить прощения. Вот тогда она и уехала на дачу, построенную после войны на средства деда — профессора Ленинградского университета Евгения Федоровича Бекешева. Вернее, сбежала, не сообщив об этом даже родителям. И тем более Виктору. В последнее время ей все чаще и чаще не хотелось его видеть. Видно, миновала тот рубеж, когда влюбленность плавно переходит в любовь. У нее она переросла в отчуждение.

Крепкий двухэтажный дом из бруса стоял на берегу озера. Дачный сезон еще не начался, и университетский поселок большей частью пустовал. Но Татьяна совсем не страдала от недостатка общения. Она отключила телефон и три дня, несмотря на дождь, бродила по берегу озера, а когда выглянуло солнце, прогулялась по лесу, пройдясь по знакомым тропинкам и навестив любимые с детства поляны. Возвращаясь в дом, затапливала камин и долго сидела на полу перед ним, наблюдая, как жадное пламя гложет березовые поленья, а после синие огоньки лихо отплясывают на багровых углях.

Иногда она доставала из кисета то серебряное кольцо, то серьги и долго рассматривала их, стараясь разобраться в хитросплетениях древних рун. А то пыталась обнаружить систему в кружеве таинственных,

вовсе ни на что не похожих значков, которые она обнаружила на обратной стороне серег, когда попыталась рассмотреть их в лупу. Почему-то ей казалось важным разгадать эти надписи, но всякий раз, вздохнув, она возвращала кольцо и серьги в шкатулку, понимая, что это практически невозможно.

Накануне вечером Татьяна ненадолго включила телефон, чтобы позвонить матери. Наверняка ее уже потеряли, и она приготовилась выслушать очередную проповедь. В этом деле Галина Андреевна была великой мастерицей.

— Таня, ты сдурела? — спросила мать. — Куда вдруг исчезла? Тебя Виктор повсюду ищет! Я старательно его убеждаю, что тебя нет на даче...

— Откуда ты знаешь, что я на даче? — Татьяна спросила это, совсем не удивившись проницательности собственной матушки.

— Ну, раз не у Виктора, значит, на даче. — Галина Андреевна могла похвастаться своими дедуктивными способностями. — Третьего не дано. Конечно, если ты не завела себе нового приятеля. Но не похоже, что ты снова воспылала любовью.

— Успокойся, мамуля, не воспылала, — огрызнулась Татьяна. — А Виктора я не хочу видеть.

— Понятно, — вздохнула Галина Андреевна. — С Виктором покончено? Или как?

— Не знаю, — вздохнула и Татьяна, — просто так он от меня не отстанет. Все-таки он вкладывал в меня деньги, надеялся, что мои работы попадут в Европу. А я вроде как не оправдала его надежды.

— Совсем не обязательно с ним спать, чтобы оправдать его надежды. Вы можете остаться друзьями